

Интервью
УДК 303.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

Новая мировая реальность и тенденции в развитии российских исследований международных отношений: интервью с М.М. Лебедевой

Марина Михайловна Лебедева
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Москва, Россия, mmlebedeva@gmail.com

Ключевые слова: *исследования международных отношений, глобализация, фрагментация, мировой порядок, тренды, когнитивные технологии, оценка научной деятельности*

Для цитирования: Новая мировая реальность и тенденции в развитии российских исследований международных отношений: интервью с М.М. Лебедевой // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 49–56. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

Interview
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

New world reality and trends in the development of Russian studies of international relations: interview with M.M. Lebedeva

Marina M. Lebedeva
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia, mmlebedeva@gmail.com

Key words: *international relations studies, globalization, fragmentation, world order, trends, cognitive technologies, assessment of scientific activity*

For citation: New world reality and trends in the development of Russian studies of international relations: interview with M.M. Lebedeva // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 1. P. 49–56. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/49-56>

С рубежа 2010-х – 2020-х гг. обстановка вокруг российских границ и ситуация в мире в целом вступили в период стремительных и кардинальных изменений. Что стоит за этой ускоряющейся международной динамикой и какое значение она имеет для развития нашей страны в долгосрочной перспективе? Трансформации международной реальности сопутствуют (и это, судя по всему, не случайное совпадение) важные институциональные перемены в российской науке, которые неизбежно затронут все ее звенья – от публикационной активности отдельных исследователей до деятельности научных журналов, диссертационных советов и научно-образовательных организаций разного типа. Чтобы помочь нашим читателям разобраться в этих сложных и взаимообусловленных процессах, редакция "Ойкумены" обратилась к известном специалисте в области изучения международных отношений, члену редакционной коллегии нашего журнала М.М. Лебедевой.

В последние годы мы наблюдали устойчивый рост глобальной и региональной напряженности, многосторонний обмен санкциями, барьеризацию границ, разрыв множества сложившихся ранее торговых, миграционных и культурных связей между странами. Не теряет ли в этих условиях проблематика трансграничного сотрудничества свою прежнюю актуальность?

Согласна, что мы сейчас наблюдаем рост напряженности в мире. Причем, не только на глобальном и региональном уровнях, но и на уровне национальных государств. Примерами здесь могут служить протесты фермеров в Германии [1], во Франции в начале 2024 г. [3]. Проблемы не ограничиваются

Интервью провел Е.В. Журбей, ответственный редактор журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования"

Европой и аграрным сектором. Так, в США остро стоят вопросы в связи с незаконной миграцией на границе с Мексикой. В результате возник конфликт между федеральным правительством США и штатом Техас [12]. Примеров внутригосударственных конфликтов множество, как и конфликтов и напряженностей на других уровнях.

Почему мир стал столь беспокойным в последние годы после идиллических настроений относительно политического будущего конца XX века? Наиболее частый ответ на этот вопрос, как в России, так и в других странах, заключается в том, что произошел распад биполярного мира, а новый миропорядок так и не был установлен. При этом миропорядок обычно понимается как структура взаимоотношений ведущих государств мира (см., напр.: [6; 10; 11; 16]), хотя существует множество нюансов в интерпретации этого понятия. За немногим более чем тридцатилетний период назывались различные конфигурации мирового порядка: однополярный мир во главе с США, многополярный мир, новая биполярность (США и КНР), а также различные модификации этих миропорядков.

Представляется, что ситуация более сложная, а именно, происходит трансформация всей системы политической организации мира, где взаимоотношения государств составляют лишь её часть. В самом общем виде политическая организация мира представляет собой структуру, которая состоит из трёх уровней. В основе лежит Вестфальская система мира с её ключевым звеном – государством. Следующий уровень образуют взаимоотношения ведущих государств (то, что обычно называется миропорядком). Наконец третий уровень – политические процессы в различных национальных государствах [7], которые, с одной стороны, все сильнее подвержены воздействию глобальных процессов, с другой – сами влияют на них. При этом каждый уровень политической организации мира имеет свою структуру. Так, межгосударственные отношения (мировой порядок) могут подразделяться на региональные межгосударственные отношения и т.п. В условиях, когда происходит эрозия основания политической организации мира, и на мировую арену в принципиально иных масштабах выходят негосударственные и частично государственные акторы, выстраивать мировой порядок (межгосударственные отношения) оказывается сложно, даже, скорее, невозможно, поскольку мир находится в глобальной трансформации, в смысле охвата и всего земного шара, и всех аспектов. При этом эрозия каждого из трёх уровней политической организации мира усиливает эрозию других уровней, образуя феномен "идеального шторма".

В этих условиях в ряде случаев наблюдается попытка вернуться к старому – усилению национального государства и ограничению трансграничного взаимодействия. Кстати, этому способствовала и пандемия COVID-19. Если говорить о мире в целом, то после пандемии трансграничные отношения всё же восстанавливаются. Хотя, конечно, консерваторы в Европе и США выступают против миграции, а также за необходимость развития национальной экономики. Но это как раз и есть попытка бороться с трансформацией политической организации мира путём возвращения к тому, что было ранее. Однако это невозможно в силу развития современных технологий и мировой экономики.

Должны ли наблюдаемые в международных отношениях тенденции изменить наше представление о роли в них такого актора как государство? Если государство вновь возвращается в эти отношения в качестве полновластного суверена, то что это будет означать для их негосударственных участников?

Прежде всего хочу отметить, что государство никуда не уходило, поэтому нет вопроса о его возврате. Мы жили и живем в Вестфальской модели мира, где ключевым актором является государство. Другое дело, что эта модель мира подвергается эрозии. Активность, роль негосударственных акторов и их количество на международной арене увеличиваются. Приведу лишь один пример усиления роли негосударственных акторов в современном мире. Тайваньская компания TSMC занимает 54% мирового рынка микрочипов, поставляя их, в том числе в США и Китай. Во время пандемии, когда активизировалась онлайн-коммуникация, возник дефицит микрочипов, и TSMC объявила своим основным заказчиком Apple. Остальным компаниям пришлось долго ожидать поставок [2]. Ситуация оказывается более сложной, если иметь

в виду, что отношения КНР с Тайванем находятся в конфликтном состоянии и периодически обостряются. В случае серьёзного обострения ситуации вокруг Тайваня мир может оказаться перед угрозой значительного дефицита микрочипов, что нарушит все сферы в мире, так или иначе связанные с цифровойизацией. Таким образом, тайваньская компания, являясь негосударственным актором, оказывается важным звеном отношений в мировой политике. Это не единичный пример. Государства и негосударственные акторы фактически находятся во взаимозависимости. Поэтому, несмотря на множество случаев противостояния государств и негосударственных акторов, все же в качестве основного тренда их взаимодействия прослеживается сотрудничество.

Как, на ваш взгляд, можно оценить нынешнее состояние глобализационных процессов. Глобализация остановлена, приторможена или же продолжается в некой новой форме?

Развитие никогда, ни в какой области не бывает линейным. Это касается мировой политики. Что касается глобализации, существует множество интерпретаций этого понятия. Например, нередко под глобализацией понимают процесс американизации или вестернизации – распространение норм, ценностей и т.п. с Запада на Восток. Такой процесс превратился "улицу с двухсторонним движением", иными словами, с Востока на Запад также идёт распространение определенных норм. Это хорошо видно на примере ресторанного бизнеса, когда рестораны азиатской кухни активно завоёвывают Европу и Америку. Если исходить из того, что глобализация представляет собой процесс транснационализации, т.е. процесс все большей прозрачности национальных границ государств, то она продолжается, особенно в сфере коммуникации. При этом необходимо подчеркнуть, что глобализация не является синонимом гомогенизации мира. Впрочем, в каких-то технологических областях такая универсализация происходит. И здесь нет нужды изобретать свою ширину железнодорожной колеи, как это было на заре развития железнодорожного транспорта.

Но, безусловно, проблема есть. Она чётко проявилась в изоляционистских тенденциях ряда государств. В чём здесь дело? Воспользуемся идеей С. Хантингтона о волнах демократизации [18]. Можно сказать, что аналогичный процесс наблюдается и в отношении глобализации: волны глобализации сменяются откатами, и происходит процесс де-глобализации [8]. В каждый временной период действуют процессы как глобализации, так и де-глобализации в разных сферах и в разных частях земного шара, но один из этих трендов проявляется наиболее ярко. Сегодня мы оказываемся свидетелями особого проявления де-глобализационной волны. Однако в ряде сфер преобладают процессы глобализации. Это хорошо видно на примере онлайн-коммуникации в период пандемии COVID-19 и после неё. Несмотря на то, что такие платформы, как Zoom, были созданы до пандемии, развитие они получили именно в ситуации, когда непосредственные контакты оказались прерваны. И в настоящее время, например, в научной сфере, используются гибридные формы проведения конференций, что позволяет охватить большее число участников. В целом же, общая тенденция такова, что процессы глобализации в силу экономического и технологического развития будут доминировать в исторической перспективе. Вообще пандемия значительно усилила коммуникацию онлайн и тем самым продолжила процессы глобализации.

Какой тренд в становлении нового мирового порядка вы считаете преобладающим? Приобретает ли мир полицентричную структуру, или мы, скорее, находимся на пороге новой биполярности?

Важно, о каком периоде времени мы говорим. Если речь идет о краткосрочном периоде, то здесь может быть всё что угодно: и новая биполярность, и хаотизация/мировой беспорядок, и попытки выстраивания каких-либо иных конфигураций. Кстати, многие исследователи указывают на тот или иной вариант развития событий, забывая о возможности остальных. В условиях транзита политической организации мира предсказать, какие будут апробироваться варианты построения политической организации мира, практически невозможно: слишком много действующих факторов, в том числе и субъ-ективных.

Что касается долгосрочного периода, то, на мой взгляд, будет формироваться полицентричная система. При этом под полицентричностью пони-

мается не многополярность, при которой полюсами выступают государства, а структура с центрами, образованными государствами, государствами и негосударственными акторами, негосударственными акторами. Эта полицентричность, скорее всего, будет выстраиваться по принципу специализации в той или иной сфере, а между центрами будут выстраиваться многомерные сетевые отношения. Политическая организация мира, состоящая из трёх уровней и описанная выше, перестанет существовать. Ее заменит, скорее всего, сетевая полицентричность. Отдельные элементы ее наблюдаются сейчас. Например, А.-М. Слоттер еще в начале XXI в. обратила внимание на формирование межгосударственных сетей [20]. Сетевые связи активно выстраивают бизнес-структуры и неправительственные организации, а также различные акторы друг с другом. В этой новой политической организации мира связи и отношения будут определять взаимозависимость. Отдельная проблема – обеспечение устойчивости данной системы. Здесь, возможно, помощь окажут исследования в области технических наук для определения параметров устойчивости связей.

В обстановке широко обсуждаемой "фрагментации" системы международных отношений, какие форматы региональной (трансрегиональной) интеграции являются сегодня наиболее перспективными для России?

Понятие "фрагментации" широко используется в современной научной литературе по международным исследованиям. Часто под этим термином понимается процесс, противоположный глобализации или процесс, порождаемый реакцией на глобализацию. В частности, К.С. Гаджиев, пишет, что "парадокс глобализации видится в том, что в силу комплекса факторов она создала условия для локализации, ренационализации, фрагментации и деконструкции современного мира" [4, с. 102]. Это действительно так. Однако фрагментация – это один из вариантов реакции на быструю глобализацию. Иногда используется понятие "регионализации". Существуют и другие термины, например, "изоляциялизм", как преднамеренные действия, предпринимаемые элитой для ограничения негативных последствий глобализации. Представляется более точным использовать термин "де-глобализация" в качестве общего, охватывающего эти и другие понятия.

Будет ли мир в итоге фрагментирован на отдельные территории? Нет, конечно. Опять-таки в силу экономического и технологического развития это невозможно. Сотрудничество, взаимопроникновение, впрочем, как споры и конфликты, будут связывать эти "фрагменты".

Что касается России и её включенности в различные форматы, то ответ будет очень простой: необходимо включаться в различные региональные и трансрегиональные форматы. Причём, включаться как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также использовать форматы, ориентированные на бизнес, университеты и другие структуры.

В какой мере российский "поворот на Восток" распространяется на научную и образовательную сферу? Можно ли отметить какие-то результаты сотрудничества российских международных коллег с коллегами из Китая и других стран Восточной Азии? Участвует ли в этом сотрудничество МГИМО?

Прежде всего хочу подчеркнуть, что любой поворот в тот или иной регион или в какие-то сферы не может быть абсолютным. Иными словами, разворачиваясь на Восток и занимаясь образованием и наукой, нельзя забывать о других регионах и областях сотрудничества. В настоящее время понятно, что ЕС, США сами резко ограничили взаимодействие в научной, культурной, образовательной и спортивной сферах, доведя эти ограничения до абсурда. Тем не менее, необходимо быть знакомыми с научными результатами, тенденция-ми в области образования, культуры и спорта западных стран.

Теперь о российском "повороте на Восток" в области образования и науки. Надо сказать, что международные исследования в азиатских странах интенсивно развиваются. Интерес к ним проявляют и российские, и западные исследователи. Так, еще в 2010 г. большой резонанс в разных частях земного шара вызвала книга под редакцией А. Ачарья и Б. Бузана о незападных теориях международных отношений. В заключении редакторы, правда, приходят к выводу, что незападные теории международных отношений всё же

отсутствуют [15]. Впоследствии появилось немало работ, в том числе и в России, направленных на поиск западных теорий международных отношений. Каких-либо позитивных результатов, на мой взгляд, здесь нет. И это не потому, что исследователи в западном мире оказались слабее своих западных коллег. Дело в том, что сформированная на сегодняшний день политическая организация мира, в основе которой лежит Вестфальская модель, является западным конструктом. Западные теории могут появиться либо, как предложение новой системы политической организации мира, либо как анализ уже сложившейся или складывающейся новой политической организации мира. Китай предложил концепцию "Сообщества единой судьбы человечества". Насколько она реалистична – другой вопрос, но поработать в этом направлении вместе с китайскими исследователями стоит. Разумеется, формат работы должен быть открытым для возможности присоединения исследователей из других стран и континентов. Можно также обратиться к идее, родившейся в Советском Союзе, о мирном сосуществовании стран с различным общественным строем. Данная идея не получила должной разработки, но, по сути, речь шла о сосуществовании обществ с различными политическими ценностными ориентациями. Эта проблема стала очень актуальной в современном мире. В целом же роль академического сообщества, в том числе российских исследователей, которые могли бы стать инициаторами обсуждения новой политической организации мира, очень велика.

Сотрудничество российских специалистов в области международных отношений с коллегами из азиатских стран, безусловно, осуществляется. По всей видимости, такие контакты интенсивнее в азиатской части России, что обусловлено и "логистическими" соображениями, и историческими связями. МГИМО, конечно, взаимодействует с партнерами из стран Азии. В МГИМО есть кафедра востоковедения, которую возглавляет Д.В. Стрельцов, Центр АСЕАН (директор Е.В. Колдунова), Центр Китая, Восточной Азии и ШОС (директор А.В. Лукин), изучаются восточные языки. МГИМО заключил соглашения с рядом азиатских университетов и исследовательских центров. Надо сказать, что восточная проблематика не ограничивается азиатским регионом, а понимается шире, включая Ближний Восток, Африку, Латинскую Америку. В МГИМО есть также соответствующие кафедры и структуры. Преподаватели и исследователи МГИМО, разумеется, сотрудничают со своими зарубежными коллегами.

Сегодня много говорят о цифровизации, о том, что новые когнитивные технологии, в частности, искусственного интеллекта, должны кардинально изменить облик науки и образования. Очарование ИИ проистекает также из веры в то, что его внедрение окажет радикальное воздействие на широкий спектр секторов, от здравоохранения и транспорта до обороны, разработки оружия и кибербезопасности. По мере того, как государства пытаются приобрести эту новую технологию, ученые начали думать о ее последствиях для международных отношений. В то время как некоторые надеются, что ИИ может содействовать прогрессу в области глобального здравоохранения и облегчению торговли, другие более пессимистичны, предупреждая об эскалации конфликтов и эрозии демократических норм. Не преувеличены ли эти ожидания? Насколько заметен эффект от технологических инноваций в исследованиях международных отношений?

Начну с ответа на вопрос об ожиданиях. Ожидания не только не преувеличены, но, как мне представляется, недооценены. Что я имею в виду? Изначально современные технологии вошли в повседневную жизнь, прежде всего, благодаря интернету. Информационные и коммуникационные технологии многократно увеличили прозрачность национальных границ еще в конце прошлого века [19]. В результате эти технологии, по выражению Дж. Розенау, "спустили с поводка" процессы глобализации в мире.

Современные технологии сегодня охватывают целый спектр сфер. Это не только информационные и коммуникационные технологии, но и интернет вещей, искусственный интеллект, биотехнологии, когнитивные технологии, робототехника, большие данные, зеленые и энергосберегающие технологии и др. В XXI веке цифровые технологии стали перестраивать все сферы, связанные с мировой политикой. Например, использование беспилотных летатель-

ных аппаратов значительно изменило характер ведения боевых действий, причем, это отмечалось еще на примере миротворческих сил в Африке в 2017 г. [5], что, безусловно, по-новому поставило вопрос об обеспечении международной безопасности.

В настоящее время опубликовано множество работ по использованию современных технологий в отдельных отраслях – образовании, здравоохранении, торговле, производстве и т.п. Можно привести целый ряд исследований (причём совершенно различных по своим методологическим и теоретическим позициям), в которых показано, что изменения в экономике и технологиях ведут к перестройке политических отношений. Приведу лишь два примера. Первый пример – марксизм, в рамках которого получила развитие идея об определяющей роли базиса по отношению к надстройке. Политическая организация мира как раз и является такой надстройкой, если говорить в терминах марксизма. Так, Ф. Энгельс писал: "...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни... Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки..." [14, с. 394]. Второй пример – высказывание Ф. Фукуямы, который заметил, что развитие капитализма и формирование веберовского государства во многом было обусловлено развитием промышленного прогресса [17].

Наиболее ярко о новом технологическом повороте в современном мире заявил К. Шваб. К. Шваб обращает внимание на то, что технологии все более будут наделять граждан полномочиями [13, с. 56]. Это означает, с одной стороны, процессы дальнейшей демократизации на уровне национальных государств, с другой – возможности активизации террористических и преступных организаций. К. Шваб также предупреждает, что "гиперсвязанность мира в условиях растущего неравенства может привести к усилению фрагментации, сегрегации и социальных волнений, которые в свою очередь создадут ситуацию для развития насильственного экстремизма" [13, с. 65]. При этом необходимо иметь в виду, что доступ к новым технологиям и к их развитию не одинаков в разных частях земного шара, что усиливает неравномерность мирового развития.

В целом, очевидно, что современные технологии имеют как позитивные, так и негативные последствия. Однако основной вопрос заключается не в этом, а в том, как будет перестраиваться мир, прежде всего, политическая организация мира благодаря этим технологиям? Пока ответа на этот вопрос нет. Мы еще не понимаем, как мировая политика будет функционировать в целом в новых условиях. Есть основания только полагать, что политическая организация мира кардинальным образом изменится. Скорее всего, именно сетевые отношения будут выстраиваться между акторами, и на их основе будут формироваться узловы́е центры.

В России продолжается процесс реформирования системы управления национальной наукой. Одним из направлений реформ стало создание российской системы оценки результативности научной деятельности (ОРНД). Каковы, по вашему мнению, главные задачи преобразований в этой области?

Оценка научной деятельности довольно сложна, особенно, если исследователь предлагает нечто совершенно новое. Разным учёным приписывается высказывание о том, что истина проходит три стадии: сначала – этого не может быть, затем – в этом что-то есть, наконец – кто же этого не знает. Понятно, что оценка эффективности деятельности исследователя будет зависеть от того, на какой из этих стадий эта оценка осуществляется. И, тем не менее, иметь представление о результативности научной деятельности все же надо. Одним из параметров здесь выступают наукометрические показатели. Осенью 2023 г. Министерство образования и науки РФ издало Приказ, в котором представлена Методика оценки показателей научной деятельности молодых ученых [9]. Несмотря на то, что речь в нём идёт о молодых учёных, вопрос стоит шире – оценка эффективности научной деятельности вообще. Мне сложно оценить адекватность математического аппарата, предложенного в Методике. Что касается содержательных параметров, то, конечно, важна публикаци-

онная активность исследователей. Единственное, что, если ранее мы делали значительный акцент на интеграцию в мировую науку и, соответственно публикации в журналах, включенных в международные базы данных, то теперь – прямо противоположная тенденция, а именно, учёт лишь российских изданий. При всей сложности публикации за рубежом отечественных работ, особенно в социальных науках, вряд ли стоит российским авторам от зарубежных журналов и монографий отказываться. К тому же, есть журналы в странах Азии, Африки, Латинской Америки, впрочем, как и в России, включенные в международные базы данных.

Литература

1. "Всё съели Шольц и Зеленский". Германия восстала против правительства. В ФРГ усилились протесты фермеров против сокращения субсидий на топливо // Сайт РИА новости. 12.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240112/germaniya-1920777802.html?in=t> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Абдулбарова Ю. Производство микрочипов: крупнейшие компании, мировые рынки, тенденции в 2022 году // Сайт linDEAL – информационной цифровой платформы актуальных новостей и экспертных материалов. URL: <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipov-krupnejshie-kompanii-mirovye-gynki-tendencii-v-2022-godu> (дата обращения: 01.02.2024).
3. Взяли в осаду. Европа вынуждена принять непростое решение. Французские фермеры осудили насаждаемые правительством экологические меры // Сайт РИА новости. 01.02. 2024. URL: <https://ria.ru/20240201/evropa-1924638112.html> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Гаджиев К.С. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 102–112.
5. Доклад Специального комитета по операциям по поддержанию мира A/71/19, П. 46. Генеральная Ассамблея ООН. Основная сессия 2017 года (Нью-Йорк, 21 февраля – 17 марта 2017 года). URL: https://digitallibrary.un.org/record/1290750/files/A_71_19-RU.pdf (дата обращения: 01.02.2024).
6. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ. 2015. 540 с.
7. Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО – университета. 2016. № 2. С. 125–133.
8. Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т.63. № 9. С. 29–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>
9. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 11 сентября 2023 г. № 887 "Об утверждении Методики оценки результативности научной деятельности молодых ученых научных организаций и образовательных организаций высшего образования". URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/10/Приказ_№_887_от_11.09.2023_g._pdf (дата обращения: 01.02.2024).
10. Фененко А. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // Международные процессы. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–42.
11. Цыганков А. П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 2. С. 20–31.
12. Что происходит в Техасе и могут ли события на мексиканской границе стать началом распада США. 29 января 2024 г. // Сайт РИАМО. URL: <https://riamo.ru/article/707615/chto-proishodit-v-tehase-i-mogut-li-sobytiya-na-meksikanskoj-granitse-stat-nachalom-raspada-ssha> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 229 с.
14. Энгельс Ф. Письмо к Йозефу Блоху в Кёнигсберг. Лондон, 21 [–22] сентября 1890 г. // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса изд. 2. Т 37. С. 393–397.
15. Acharya A., Buzan B. Conclusion: On the Possibility of a non-Western International Relations Theory // Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / Ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. P. 221–237.
16. Blackwill R. D., Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy / Council on Foreign Relations. 2020. Vol. 86. 43 p.
17. Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // The National Interest. 1999. Summer. P. 16–33. URL: <https://vdocuments.mx/second-thought-the-last-man-in-a-bottle.html> (дата обращения: 01.02.2024).
18. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // The Journal of Democracy. 1991. No. 2. P. 12–34.
19. Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner St.D. International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 645–686.
20. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press. 2004. 368 p.

References

1. "Scholz and Zelensky ate everything1". Germany rebelled against the government. Farmers' protests against the reduction of fuel subsidies have intensified in Germany // RIA Novosti website. 12.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240112/germaniya-1920777802.html?in=> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
2. Abdulbarova Yu. Microchip production: the largest companies, world markets, trends in 2022 // Website of linDEAL – a digital information platform for current news and expert materials. <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipoov-krupnejshie-kompanii-mirovye-rynki-tendencii-v-2022-godu> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
3. Placed under siege. Europe is forced to make a difficult decision. French farmers condemned the environmental measures imposed by the government // RIA Novosti website. 01.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240201/evropa-1924638112.html> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
4. Gadzhiev K.S. On the fragmentation of the world order in the era of globalization // World economy and international relations. 2019. Vol. 63. No. 8. P. 102–112. (In Russ.).
5. Report of the Special Committee on Peacekeeping Operations A/71/19, Item 46. The UN General Assembly. The 2017 substantive session (New York, February 21 – March 17, 2017). URL: https://digitallibrary.un.org/record/1290750/files/A_71_19-RU.pdf (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
6. Kissinger G. World Order. Moscow: AST. 2015. 540 p. (In Russ.).
7. Lebedeva M.M. The system of political organization of the world: "An ideal storm" // Bulletin of MGIMO University. 2016. No. 2. P. 125–133.
8. Lebedeva M.M. Modern megatrends of world politics // The world economy and international relations. 2019. Vol.63. No. 9. P. 29–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37> (In Russ.).
9. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated September 11, 2023 No. 887 "On approval of the Methodology for evaluating the effectiveness of scientific activities of young scientists of scientific organizations and educational institutions of higher education". URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2023/10/Приказ_№_887_от_11.09.2023г..pdf (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
10. Fenenko A. World order as a theoretical and methodological category // International processes. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 6–42. (In Russ.).
11. Tsygankov A. P. The epoch of half-life: from the world order to the world transition // Russia in global politics. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 20–31. (In Russ.).
12. What is happening in Texas and whether events on the Mexican border could be the beginning of the collapse of the United States. January 29, 2024 // RIAMO website. URL: <https://riamo.ru/article/707615/chto-proishodit-v-tehase-i-mogut-li-sobytiya-na-meksikanskoj-granitse-stat-nachalom-raspad-ssha> (accessed 01.02.2024). (In Russ.).
13. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo, 2016. 229 p. (In Russ.).
14. Engels F. A letter to Joseph Bloch in Königsberg. London, September 21 [-22], 1890 // The writings of K. Marx and F. Engels. 2 ed. Vol. 37. P. 393–397. (In Russ.).
15. Acharya A., Buzan B. Conclusion: On the Possibility of a non-Western International Relations Theory // Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia / Ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. P. 221–237.
16. Blackwill R. D., Wright T. The End of World Order and American Foreign Policy / Council on Foreign Relations. 2020. Vol. 86. 43 p.
17. Fukuyama F. Second Thoughts. The Last Man in a Bottle // The National Interest. 1999. Summer. P. 16–33. URL: <https://vdocuments.mx/second-thought-the-last-man-in-a-bottle.html> (accessed 01.02.2024).
18. Huntington S. P. Democracy's Third Wave // The Journal of Democracy. 1991. No. 2. P. 12–34.
19. Katzenstein P.J., Keohane R.J., Krasner St.D. International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. V. 52. No. 4. P. 645–686.
20. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press. 2004. 368 p.

Информация об авторе

Марина Михайловна Лебедева, д-р полит. наук, канд. психол. наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия, e-mail: mmlebedeva@gmail.com

Information about the author

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia, e-mail: mmlebedeva@gmail.com